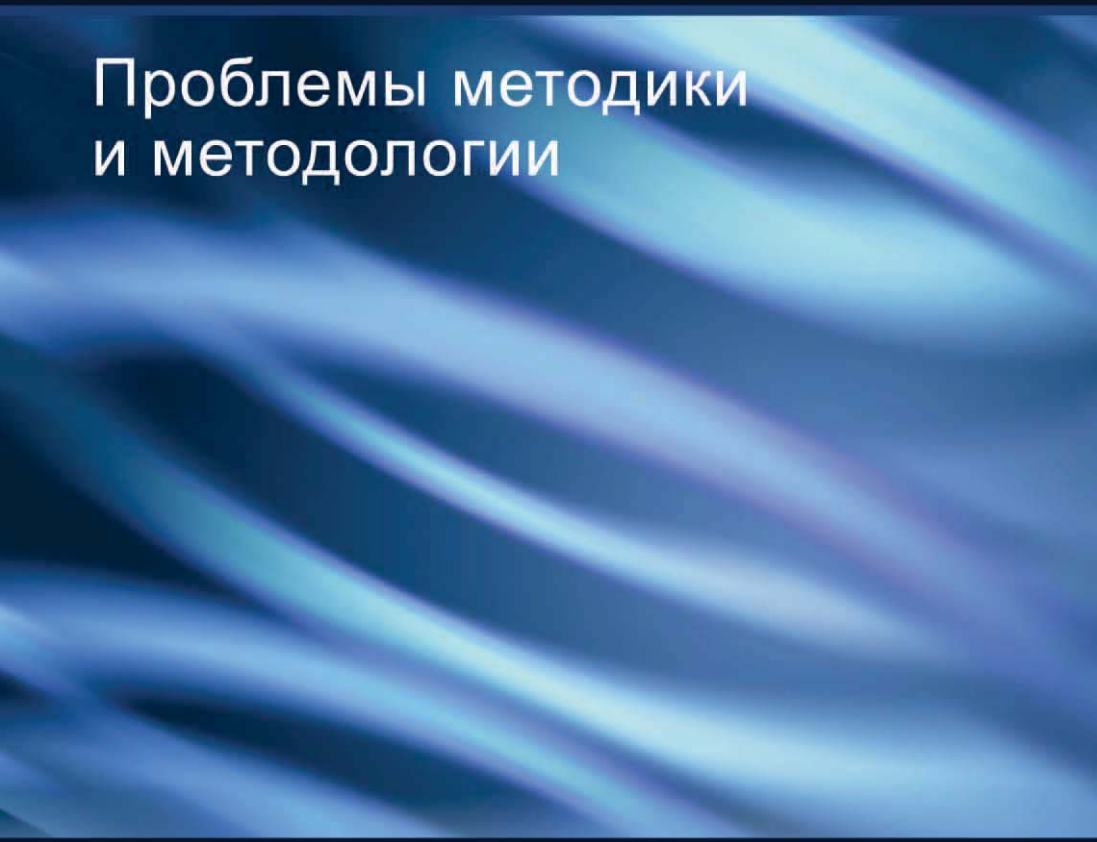
С.М. Иншаков

Исследование преступности

Проблемы методики и методологии

ЮНИТИ
UNITY

Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

С.М. Иншаков

Исследование преступности

Проблемы методики и методологии

Рекомендовано к изданию Учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» в качестве монографии. Научные специальности 12.00.08 «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право», 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность»

Рекомендовано к изданию Научно-исследовательским институтом образования и науки в качестве монографии. Научные специальности 12.00.08 «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право», 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность»

ЮНИТИ
UNITY

Закон и право • Москва • 2017

УДК 343.9.018(035.3)
ББК 67.511
И74

Рецензенты:
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор *В.Е. Квашис*
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор *Г.А. Аванесов*
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор *С.Я. Лебедев*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Иншаков, Сергей Михайлович.
И74 Исследование преступности. Проблемы методики и методологии: монография / С.М. Иншаков. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. — 335 с.

ISBN 978-5-238-02264-2

Агентство CIP РГБ

Рассмотрены методологические и методические основы криминологических исследований, проанализированы теории преступности, раскрыты фундаментальные методологические принципы. Большое внимание уделено описанию общенаучных и специальных методов криминологических исследований. Разработаны методики базового и расширенного вариантов статистического анализа зарегистрированной преступности. Дан анализ методов криминальной латентности. Исследованы аксиологические проблемы криминологического поиска.

Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также широкого круга лиц, интересующихся проблемами юриспруденции, криминологии, социологии, политологии.

ББК 67.511

ISBN 978-5-238-02264-2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2012

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания (ФЗ № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г.).

Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2012

Введение

В криминологии необоснованно мало внимания уделяется методологической и методической проблематике. В какой-то мере это является причиной снижения уровня научных исследований, следствием этих негативных процессов (серьезных исследований не проводится, соответственно не разрабатываются методологические и методические вопросы). Однако без разработки этих проблем невозможно осуществлять поступательное наращивание исследовательского уровня как отдельных научных коллективов, так и научного направления в целом.

Исследование — это всегда попытка узнать что-то новое об изучаемом объекте. Успешной эта попытка может быть лишь при условии корректного использования научных методов. Преступность — достаточно сложный исследовательский объект. С определенной долей условности можно выделить три уровня ее исследования:

1) теоретическое осмысление криминальной реальности;

2) сбор эмпирической информации о преступности, ее детерминантах и об эффективности системы противодействия;

3) обобщение и анализ эмпирических фактов.

Каждому из этих уровней соответствуют определенные научные методы и исследовательские методики.

Главной целью подготовки монографии является разработка на основе научной методологии корректных методик исследований преступности, соответствующих перечисленным выше уровням. Полагаем, что решение этой задачи будет способствовать более полной реализации огромного исследовательского потенциала отечественной науки.

Раздел I

Методологические и методические основы криминологических исследований

На вопрос: «Что означает изучение преступности?» можно предложить как минимум четыре варианта ответов:

- простой;
- сложный;
- очень сложный;
- сверхсложный.

Простой вариант предполагает анализ количественных показателей преступности как статистической совокупности; сложный — исследование криминальной латентности; очень сложный затрагивает цели и задачи изучения преступности; сверхсложный предполагает основательное исследование проблемы преступности.

Одним из методологических парадоксов криминологии является то, что в этой сфере не работает принцип «от простого к сложному». Разработка вопросов криминологической методики возможна лишь на основе решения методологических проблем:

- о сущности преступности;
- о ее познаваемости;
- о принципах, целях и задачах ее изучения.

Соответственно, начинать исследование преступности надо с наиболее сложных проблем, связанных с научной методологией. Отправной точкой выбора исследовательских методов и конструирования научных методик является методология. В переводе

с греческого языка *методология* означает учение о методах. По существу, это учение представляет собой совокупность основных философских выводов, выступающих в качестве исходных концепций формирования научного знания. Важнейшими элементами гносеологии являются методологические принципы — фундаментальные положения теории познания. В рамках методологического учения формируются теоретические установки корректного формирования исследовательского инструментария, моделирования методов научного познания, а также правильного их использования в целях решения конкретных научно-исследовательских задач.

Глава 1

Теории преступности и основы криминологической методологии

1.1. Основные научные подходы к пониманию преступности

Анализ исторической логики постижения криминальной реальности позволяет выделить ряд этапов в этом процессе.

Первый этап — дифференциация и классификация вариантов опасностей, таящих в себе различные угрозы людям. Выделение такого типа опасности, который мы сегодня назвали бы криминальными угрозами, стало отправной точкой формирования социальной практики противодействия преступности.

Второй этап — формирование в общественном сознании ассоциативных связей между криминальными опасностями и вариантами человеческого поведения.

Третий этап — продуцирование запретов на эти виды деяний (являющихся источником опасности и влекущих негативные последствия).

Четвертый этап — формирование отношения к нарушениям запретов. Это отношение проявляется, во-первых, в наказании нарушителей (стремлении к их наказанию), во-вторых, в появлении чувства тревоги или озабоченности при увеличении числа нарушений тех запретов, которые мы сегодня назвали бы уголовными законами. Изначально источником этих тревог служил утилитаризм. Например, чем больше мужчин станут жертвами убийств, тем слабее будет войско. Позднее определенное значение приобрели политические мотивы (чем больше происходит преступлений, тем менее устойчива власть). Значительную роль со временем стали играть и гуманистические идеалы.

Учет этих аспектов был положен в основу доминирующей сегодня аналитической парадигмы в криминологии: если преступлений много, то опасность (преступность) велика. Это плохо. Если преступлений мало — это хорошо.

Эти достаточно простые идеи легли в основу понимания преступности как статистической совокупности, слагаемой из преступлений, совершенных в стране или регионе. При таком подходе сущность преступности как явления отходит на второй план.

На первый план подспудно выходит совокупная общественная опасность преступлений: ее величина, структура и тенденции. Чем больше преступлений совершается в стране, тем выше их совокупная общественная опасность. Точно так же совокупную общественную опасность можно оценить на основе соотношения в структуре статистической совокупности количества преступлений особо тяжких, тяжких, средней и небольшой тяжести. Оценка тенденций (увеличивается или уменьшается общее число преступлений) выполняет ту же функцию: увеличивается — плохо, уменьшается — хорошо (соответственно, хороший или плохой прогноз).

Такой подход к пониманию преступности обычно называют правовым. Законодатель определяет, что является преступлением. А совокупность преступлений — это и есть преступность.

В этой концепции немало рационального, поскольку из чего же может слагаться преступность, если не из преступлений. Кроме того, общественная опасность — самый значимый параметр преступности. Если бы преступность не была общественно опасной, возможно, она вообще не привлекала бы внимания исследователей.

Однако у этой концепции есть и слабые стороны. Одна из них заключается в том, что на совокупность совершенных преступлений невозможно воздействовать — они уже остались в прошлом. Дело в том, что основы правовой теории преступности складывались в тот период, когда в качестве главного объекта антикриминального воздействия рассматривался преступник. Господствовала идея: чем более строгим (и даже жестоким) будет наказание тех, кто преступает уголовный закон, тем меньше будет опасность, связанная с преступлениями. В основе этой идеи лежит довольно упрощенная модель социального противодействия криминальному продуцированию общественной опасности. Однако и в этой идее содержатся элементы самоотрицания концепции, в соответствии с которой объектом антикриминального воздействия является исключительно преступник, а суть этого воздействия — реагирование на преступления. Здесь вполне определенно просматривается вывод: преступность как объект воздействия — это не только преступления и преступ-

ники, но и сознание людей (тех, что еще не совершили преступления), которых надо запугать, чтобы они воздержались от нарушений запретов. Интересно, что в Киевской Руси великий князь Владимир в X в. в период неурожаев посылал в села подводы с зерном, чтобы крестьяне не уходили в разбойники. В данном примере учитывался объект воздействия — потребности людей, удовлетворение которых надо обеспечить, чтобы у них не возникало соблазнов стать на преступный путь.

Таким образом, в данной теории преступность в значительной мере носит фрагментарный характер: сама по себе совокупность преступлений, сами по себе преступники (учет по лицам и по криминальным объединениям), сами по себе какие-то явления, воздействуя на которые можно добиваться улучшения параметров преступности (уменьшения ее опасности).

Современным криминологам, развивающим эту теорию, удалось сформулировать относительно непротиворечивую систему понятий. Преступность — социальное явление, слагаемое из всей совокупности преступлений, совершаемых за определенное время на определенной территории. А то, на что следует воздействовать, чтобы уменьшить криминальную общественную опасность, — это причины преступности. В рамках данной системы понятий остается не вполне ясным то, как статистическая совокупность преступлений превратилась в социальное явление. И почему в социальное? Ведь сторонники антропологического подхода, обосновывая генетическую предрасположенность к преступному поведению, вполне могли бы назвать это явление медицинским или биологическим. Интересный анализ дефиниций преступности приводит Я.И. Гилинский: «За последние годы появились более корректные подходы: «Преступность — отрицательное социально-правовое явление, существующее в человеческом обществе, имеющее свои закономерности, количественные и качественные характеристики, влекущее негативные для общества и людей последствия и требующее специфических государственных и общественных мер контроля за ней». В целом это вполне приемлемое определение, если бы не одно «но»: попробуйте подставить в это определение вместо слова «преступность» слова «пьянство», или «наркотизм», или «коррупция»... Подставили? Подходит? Но тогда такое определение не специфично именно для преступности»[1].

[1] *Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. С. 35.

И еще один весьма значимый недостаток — из системы понятий данной теории выпал процесс совершения преступлений. А ведь это то, на что мы можем воздействовать. Соответственно, один из важнейших объектов антикриминального воздействия эта теория обошла своим вниманием. Надо ли изучать этот процесс? И можно ли считать его изучение исследованием преступности? Эти вопросы остаются без ответа. Следовательно, методологическое обеспечение криминологии в данном ракурсе оказывается несовершенным. Конечно, выручить в такой ситуации может общая методологическая установка на познание всего неизвестного. Эта установка (методологический принцип) будоражит умы исследователей. Она побуждает к разработке различных подходов в понимании преступности. Наиболее значимыми в данном ракурсе являются социологические и антропологические теории преступности.

Социологический подход к изучению преступности. Социология открывает весьма значительные перспективы перед исследователями криминального феномена. Представляется, что наиболее продуктивные научные изыскания будут происходить именно в русле этих перспектив. В методологическую сущность социологического подхода наряду с гносеологическими постулатами вплетены научная смелость, свобода, раскованность и оригинальность мышления.

Основная идея социологического подхода к пониманию преступности заключается в том, что преступность — это болезнь социума, а преступления — симптомы (признаки) этой болезни. Характер и масштабы преступности не зависят напрямую от воли законодателя, т.е. от того, какие деяния запрещены под угрозой уголовной репрессии, а какие разрешены. Как свидетельствует история, в законодательной практике возможны и ошибки, и произвол, и лоббирование, и корыстная заинтересованность (конструирование правовой среды, в которой можно безнаказанно совершать общественно опасные деяния и даже разрушать государственность).

Преступность зависит от характера сложившихся в социуме общественных отношений. Ее объективной характеристикой является опасность (в этом смысле количество людей, испытывающих страх оказаться жертвой преступных посягательств, — характеристика преступности куда более объективная, чем число зарегистрированных преступлений).

Сущность социологического подхода к определению преступности характеризуется:

- рассмотрением преступности не как системы преступлений, а как специфической характеристики общества — способности порождать преступления в большом количестве;
- разработкой категории «преступление», не зависящей от законодательства (исключение такого признака, как противоправность, при сохранении виновности и акцентировании внимания на общественной опасности).

В рамках социологического подхода одни ученые считают преступность нормальным и вечным явлением (Э. Дюркгейм), другие полагают, что при радикальном изменении характера общественных отношений общество может избавиться от этого порока (Э. Фромм).

Социологический подход в определенной мере стирает границы между традиционным пониманием преступности и причин ее возникновения. Однако при этом не отрицается причинность. Напротив, этот подход создает установку на поиск глубинных, сущностных детерминант. Исследование такого феномена, как ***самодетерминация преступности,*** показывает условность и относительность границ между явлением и его причиной: сама преступность в зависимости от исследовательского угла зрения может рассматриваться и как следствие, и как детерминанта.

В советской криминологии социологический подход к анализу преступности развивали Л.И. Спиридонов, Д.А. Шестаков, Э. Раска[1]. После выхода в свет в 1966 году первого учебника по криминологии, в котором преступность определялась как совокупность преступлений, Л.И. Спиридонов подверг такой подход критике, отмечая, что преступность — это не просто механическая сумма преступлений, а социальное явление, обладающее определенными присущими ему закономерностями развития[2]. «Преступность — это момент, состояние социального организма... Преступность как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма»[3].

---

[1] *Спиридонов Л.И.* Социология преступности. М., 1978; *Шестаков Д.А.* На криминологическом семинаре // Правоведение. 1981. № 2. С. 105—107; *Раска Э.* Борьба с преступностью и социальное управление. Таллин, 1985.

[2] *Спиридонов Л.И.* Социология преступности. М., 1978.

[3] *Спиридонов Л.И.* Криминологический факт и его оценка // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 21.

По мнению ученого, «социологическое понятие преступления предшествует его юридическому определению»[1]. Законодатель должен понять социальный закон и отразить его в правовой норме: «Воля не должна утверждать себя взамен закона: ее роль в том именно и заключается, чтобы открыть и сформулировать действительный закон»[2]. Пренебрежение этим правилом отрицает эффективность права как регулятора социальной жизни: «Законодатель очень часто видит в праве средство решения социальных задач, которые оно на самом деле решить не может»[3].

В учебнике «Криминология» Д.А. Шестаков представил достаточно развернутую концепцию преступности: «Под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов. Теоретически нельзя исключить существование людей, вовсе не предрасположенных к совершению преступлений, чего нельзя сказать об обществе. Если преступность отдельного человека, в принципе, может равняться нулю, то преступность общества всегда имеет абсолютную величину»[4]. Суть теории Д.А. Шестакова заключается в том, что преступность — это сама закономерность, в силу которой извечно совершается множество преступлений, а преступления — внешняя форма ее проявления. Система преступности вплетена в жизнь общества в виде триады: общество — преступность — общество[5].

К социологическим можно отнести ряд определений преступности, которые, несмотря на оттенки афористичности, содержат достаточно глубокие идеи, касающиеся сущности криминального феномена. Например, А.И. Долгова определяет преступность следующим образом: «Преступность — это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным

---

[1] *Спиридонов Л.И.* Социология преступности. М., 1978. С. 50.
[2] Там же. С. 103.
[3] Там же. С. 106.
[4] *Шестаков Д.А.* Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 136.
[5] Там же. С. 142.

нарушением уголовного запрета»[1]. В.В. Лунеев сформулировал следующее афористичное определение: «Преступность — одна из форм выживания общества и его возможной гибели»[2].

Весьма значимыми с точки зрения изменения традиционных преставлений о сущности криминального феномена и развития социологического направления в криминологии были исследования латентной преступности, проведенные в 1947 г. социологами И. Валерстайном и К. Вайлом. Эти исследователи разработали оригинальный метод, который в последующем получил название «саморегистрация преступников» («саморегистрирующаяся преступность»). Применив этот метод при опросе множества респондентов, они получили результаты, которые поставили под сомнение наличие грани между преступником и непреступником. В ходе исследования было опрошено порядка двух тысяч жителей г. Нью-Йорка. На вопрос: «Приходилось ли Вам совершать те или иные преступления?» — более 91% респондентов ответили утвердительно. Причем опрошенные признали, что им приходилось совершать и серьезные преступления (грабежи, разбои, похищения автомобиля и других ценных вещей), за которые они не были привлечены ни к какой ответственности. Первоначально эти данные вызвали недоверие, однако цифры, полученные другими исследователями, воспользовавшимися той же методикой, были еще выше[3]. Эти исследования поставили под сомнение формировавшуюся веками научную парадигму о том, что преступники — плохие люди, а законопослушные — хорошие. Более того, они заронили сомнение в том, что вообще существуют законопослушные граждане.

Проведенные нами исследования показывают, что при трехмиллионном уровне ежегодно регистрируемой преступности в нашей стране латентная преступность составляет не менее 20 млн случаев. Этот показатель представляется достаточно надежным, поскольку к аналогичному выводу пришли исследователи, применявшие несколько иную методику[4]. По мере совершенствования исследовательской методики уточненные цифры все более возрастали, так

---

[1] *Долгова А.И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 7.

[2] *Лунеев В.В.* Курс мировой и российской криминологии: Учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2011. С. 297.

[3] *Криминология* / Под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб., 2003. С. 117.

[4] *Кондратюк Л.В., Овчинский В.С.* Криминологическое измерение. М., 2008. С. 179.

что есть все основания считать этот показатель несколько заниженным (минимальным). Но даже с учетом этих уточнений 20 млн — цифра слишком велика для того, чтобы такое количество преступлений могло быть выявлено и раскрыто, а затем расследовано с последующим рассмотрением уголовных дел в суде. Не по силам принять в свои недра такое количество осужденных и уголовно-исполнительной системе. Налицо противоречие между оргштатными параметрами правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем, с одной стороны, и принципом неотвратимости наказания — с другой.

Принцип неотвратимости наказания за преступления — устоявшаяся парадигма общественного сознания. Отказаться от него очень непросто. При этом несомненно следующее: полная реализация принципа неотвратимости наказания потребует таких материальных затрат, что это может нанести серьезный ущерб нормальному развитию социума.

Одну из граней этого парадокса в системе взаимоотношений общества и преступности в конце XIX в. попытался проанализировать французский социолог Э. Дюркгейм, который, поломав все традиции, продекларировал, что преступность — это не только нормальное, но и полезное для общества явление[1]. Идеи Э. Дюркгейма находят своих последователей и сегодня. Например, И.А. Александрова и Р.А. Бостанов, опираясь на оригинальные идеи М. Фуко[2], развивают следующий тезис: «В наше время экономическая расчетливость диктует разумную меру в практике наказаний. Поэтому в правовом государстве результаты борьбы с преступностью не могут не носить избирательного характера»[3]. Социальная значимость уголовного наказания в их интерпретации определяется следующим: «С одной стороны, власть в

[1] *Durkheim E.* Les regles de la methode sociologue. 1895.

[2] Французский философ XX в. Мишель Фуко, развивая идеи Э. Дюркгейма, пришел к следующему выводу: «Надо избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом (если не исключительно) средством борьбы с правонарушениями» (*Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 37). Не менее оригинальна еще одна его мысль: уголовное судопроизводство всегда было и не может не быть устройством, призванным дифференцированно управлять противозаконностями, а не уничтожать их (*Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 196).

[3] *Александрова А.И., Бостанов Р.А.* Преступление и наказание в аспекте психолингвистического анализа // Преступность, криминология, криминологическая защита / Под ред. А.И. Долговой. М., 2007. С. 42.

лице ее судебных и карательных институтов поддерживает в обществе значимость, психическую и физическую осязаемость запрета, проводит практику реального насилия. Но, с другой, оно воспроизводит ту самую реальность, которую якобы призвано ликвидировать. Это как нескончаемый спектакль на тему преступления и наказания; шоу, которое представляет ценность в силу самого факта своего существования. Оно призвано давать разрядку психическому напряжению от неудовлетворенного желания последовать преступному примеру»[1].

Современная практика выявления преступлений и привлечения виновных к уголовной ответственности дает немало оснований для таких циничных концепций выборочного правосудия. В то же время говорить о полной деградации социальных идеалов пока еще нет оснований. Соответственно, нет резона отказываться от попыток утверждения социальной справедливости и от реализации принципа неотвратимости наказания за преступления. Не исключено, что ключом к решению данной проблемы может оказаться трансформация правового подхода к пониманию преступности в плане его социологизации. В рамках правового подхода преступление рассматривается как явление оценочное. Если законодатель принял решение о криминализации определенного деяния, оно становится преступлением. Соответствующее решение о декриминализации может вывести деяние из разряда преступных. Как правило, в основе решений о криминализации или декриминализации лежат определенные суждения, подчас даже научные исследования. Но практически никогда в основу этих решений не закладывался принцип: «Считать преступными только наиболее общественно опасные деяния, в отношении которых социум сможет обеспечить полную реализацию неотвратимости наказания». В африканском племени чамаи, которое находится на первобытном уровне развития, уголовное нормотворчество проявляется в самой зачаточной форме. Под страхом уголовного наказания в этом племени запрещено говорить неправду и брать без разрешения чужие вещи. Причем наказание за эти деяния уголовное в полном смысле этого слова — отсечение головы. Неписаный уголовный кодекс племени Чамаи включает в себя всего две статьи. Экономичный подход к использованию уголовной репрессии позволяет практически идеально реализовать принцип неотвратимости уголовного наказания.

---

[1] Там же.

В отдельных случаях социологический подход к анализу преступности приводит ученых к парадоксальным выводам о том, что преступности не существует: «Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. Преступность не существует в природе, это выдумка людей»[1].

Весь смысл введения в социальную практику понятия преступления заключался в том, что оно выполняло функцию критерия для запуска механизма уголовной репрессии. Человек совершает деяния, содержащие все признаки преступления — потенциально включается репрессивный механизм (возникает основание для применения репрессии).

Применительно к идеальной модели функционирования этого механизма нормой является:

- во-первых, то, что уголовное наказание должно устрашать (не восприниматься безразлично или как что-то выгодное, с учетом сохранения выгоды от преступления);
- во-вторых, неотвратимость наказания.

Определенные отклонения в реальной правоприменительной практике от принципа неотвратимости могут не отрицать этой нормы (исключения лишь подтверждают правило). Каковы допустимые масштабы исключения, определить довольно трудно. При каких параметрах исключения начинают отрицать правило, следует, вероятно, определять применительно к тому или иному явлению индивидуально. Однако не вызывает сомнений то, что исключений должно быть меньше. Если исключения начинают превалировать над правилом, то через это превалирование пробивает себе дорогу какая-то иная норма. Применительно к преступности преступления без надлежащего реагирования превалируют. Это серьезный повод для осмысления сущности социального механизма уголовно-правового регулирования, в частности, его перспектив: либо это будет серьезная трансформация, которая позволит существенно повлиять на его эффективность; либо это будет отказ и замена этого механизма каким-то принципиально новым способом регулирования социальных отношений.

---

[1] *Robinson M.* Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. N.-Y, 2004. P. 2. Цит. по: *Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. С. 38.

Ограниченность возможностей уголовно-правовой репрессии была осознана человечеством много веков назад (Платон, Беккариа, Монтескье[1] и др.).

Развитие некарательной социальной системы профилактики преступлений — это альтернатива карательной практике, основанной (хотя бы теоретически) на нереализуемом принципе неотвратимости наказания. Сегодня оба эти механизма дополняют друг друга. Если оценить их соотношение в исторической ретроспективе, очевидно поступательное увеличение значимости социальной профилактики от века к веку. На данном этапе социального развития механизм уголовно-правового регулирования играет важную роль. Однако если экстраполировать историческую тенденцию в перспективу, то роль профилактики, вероятно, будет возрастать, а роль кары уменьшаться. Да и сама кара, а также механизм назначения и исполнения уголовного наказания уже сейчас претерпевают существенные перемены. В перспективе не исключено, что интенсивность кары уменьшится настолько значительно за счет реализации новых (сейчас еще не известных науке) механизмов повышения ее эффективности, что грань между карательной практикой и социальной профилактикой исчезнет.

Социологический подход к пониманию преступности интуитивно воспринимали и воспринимают многие политики. Однако его реализация на практике требует напряженной и длительной работы по реформации общества, эффект от которой может проявиться лишь через десятилетия. Поэтому интенсификация карательной практики на основе правового понимания преступности нередко оказывалась более привлекательным направлением воздействия на криминальный феномен. Эту особенность политического мышления подметил Л.Н. Толстой. Вот как он описывает размышления императора Николая I при принятии решения в отношении интендантских чиновников, уличенных в злоупотреблениях: «Николай был уверен, что воруют все. Он знал, что надо будет наказать теперь интендантских чиновников, и решил отдать их всех в солдаты, но знал тоже, что это не помешает тем, которые займут место уволенных, делать то же самое. Свойство чиновников состояло в том, чтобы красть, его же обязанность состояла в том, чтобы наказывать их, и, как ни надоело это ему, он добросовестно исполнял

[1] *Платон.* Законы. Соч. В 3 т. М., 1972. Т. 3. Ч. 2; *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1939; *Монтескьё Ш.* О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.

эту обязанность»[1]. Мышление Председателя Правительства России В.В. Путина в значительной мере социологично. Он допускает возможность существования неправовых законов, более того, видит в этом одну из причин российских трагедий. В его выступлении в бытность Президентом в ходе встречи с членами семей моряков подводной лодки «Курск» социологический подход к пониманию преступности просматривается достаточно отчетливо: «Телевидение? Значит, врет. Значит, врет. Значит, врет. Там есть на телевидении люди, которые сегодня орут больше всех и которые в течение десяти лет разрушали ту самую армию и флот, на которых сегодня гибнут люди. Вот сегодня они в первых рядах защитников этой армии. Тоже с целью дискредитации и окончательного развала армии и флота! За несколько лет они денег наворовали и теперь покупают всех и вся! Законы такие сделали!»[2].

Методологическое значение социологического подхода в криминологии заключается в следующем:

1) он предполагает направление главной энергии в воздействии на преступность не на совокупность преступлений и преступников, которые являются лишь внешними симптомами болезни, но на саму болезнь общества и на причины этой болезни;

2) социологический подход открывает перспективу реализации теории поля в криминологии. Этот подход очерчивает новый объект воздействия — информационное поле социума. Например, безнаказанность можно снижать реально (повышая раскрываемость) и идеально (формируя общественное мнение о высокой раскрываемости). Несмотря на то, что и реальный и идеальный уровни взаимосвязаны, они обладают определенной автономией (на фоне реального повышения раскрываемости преступлений может увеличиваться число людей, уверенных в возможной безнаказанности при совершении преступлений, и наоборот);

3) социологический подход открывает перспективу выявления новых признаков преступности. В свою очередь, чем больше признаков явления известно, тем больше возможностей для его объективного изучения. Новые признаки могут дать начало новым направлениям исследований (количество жертв как показатель преступности и виктимология).

---

[1] *Толстой Л.Н.* Хаджи-Мурат // Собр. соч. в 22 т. Т. 14. С. 88.

[2] Встреча с родными. Стенограмма встречи Президента с родственниками моряков, оставленных на «Курске» // Коммерсантъ Власть. № 34 (385). 2000. 29 августа.

Заявления критиков данного направления о том, что социологические определения преступности неконкретны, а сам феномен преступности в такой трактовке трудноуловим и труден для понимания — не вполне справедливы. С преступностью как совокупностью преступлений человек взаимодействует опосредованно через средства общественной коммуникации. А социальную напряженность ощущает каждый. Именно поэтому люди не только не забывают, уходя на работу, запереть дверь, но и стремятся еще установить на окнах решетки и укрепить металлом входные двери. В этом смысле количество решеток на окнах и количество бронированных дверей также могут быть показателями преступности;

4) попытка очистить понятие преступления от политической конъюнктуры и произвола власть имущих также имеет положительные аспекты:

- оправдывает тех, чьи деяния не имеют общественной опасности (например, противников антинародного политического режима);
- уличает тех, кто, совершая общественно опасные деяния, «застраховался» при помощи манипуляций в области законодательства.

Это в свою очередь благоприятствует совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Социологический подход здесь корреспондирует с богатой философскими традициями школой естественного права. Одним из вариантов трансформации научной теории является радикализация социологической криминологии. В формировании этого направления проявляет себя закономерность науки и практики, которая может рассматриваться как один из методологических принципов: если криминологические теории не удается реализовать на практике, они политизируются.

Радикальное направление социологической криминологии

Теоретическим фундаментом радикалов были криминологические концепции стигмы и аномии. Не случайно большинство криминологов-радикалов (Г. Блох, Д. Гейс, Д. Конгер, В. Миллер, Р. Куинни, Ф. Зак) прежде проводили исследования в русле именно этих научных направлений.

Из открытия теоретиков стигмы того феномена, что преступления совершают практически все члены общества, а к уголовной ответственности привлекают лишь наиболее бедных и обездоленных, сам собой напрашивался вывод о несправедливости практи-

куемых методов воздействия на преступность. Концепция аномии, социальной дезорганизации, хронически присущей капиталистическому обществу, раскрывала глубинные истоки преступности и показывала, что без радикальных перемен в общественном устройстве избавиться от преступности не удастся. Э. Дюркгейм, автор теории аномии, не считал необходимым избавлять общество от преступности, поэтому сам он революционных выводов из своей теории не делал. Но если соединить воедино концепцию хронической социальной дезорганизации и установку на устранение преступности, то логично сделать вывод о необходимости изменения социальной системы.

Социологическая криминология стала радикализироваться в начале 1960-х гг., когда она была переименована в социологию отклоняющегося поведения. К 1973 году радикальное криминологическое направление вполне сформировалось[1]. Знаменательным в этом отношении был выход книги Яна Тейлора, Пауля Валтона и Джона Янга «Новая криминология»[2]. Через два года из-под пера тех же авторов вышла еще одна монография — «Критическая криминология»[3].

В начале 1970-х гг. американские исследователи Герман и Юлия Швендингер, Антонни Платт образовали союз радикальных криминологов и основали свое периодическое издание для пропаганды революционных криминологических взглядов (издательства нередко отказывались публиковать столь смелые выводы радикалов). Радикальные криминологи считали необходимым отмежеваться от конформистской криминологии, которая поддерживает господствующий политический строй. В этом размежевании они иногда заходили настолько далеко, что приходили к выводу о недопустимости расходования денег на криминологические исследования, в то время как обездоленные страдают от голода и нищеты, на которые их обрекает капиталистическое общество[4].

Радикалы сделали немало смелых, оригинальных и интересных выводов, разоблачающих различные аспекты социальной несправедливости в буржуазном обществе. Например, Р. Куинни, раскрывая вслед за К. Марксом основное противоречие капитализма — между трудом и капиталом, отмечал, что класс крупных собствен-

---

[1] *Radical* Issues in Criminology. Totowa, 1980. P. 8.
[2] *Taylor I., Walton P., Young J.* The New Criminology. N.-Y., 1973.
[3] *Taylor I., Walton P., Young J.* Critical Criminology. N.-Y., 1975.
[4] *Giffi L., Sullivan D., Siegel L.* Criminology, Science and Politics // Criminal Justice Research. Lexington, 1975. P. 14.

ников использует свое господство как инструмент управления обществом. Вот какова логика его рассуждений: «Криминальная реальность в обществе основывается на определении преступного и непреступного... В основе процессов криминализации — классовые конфликты... В качестве преступных определяются деяния, противоречащие интересам господствующих в экономике классов... Будет ли то или иное деяние оценено в качестве преступного или непреступного, определяет класс, имеющий власть и доступ к правотворчеству»[1]. В рамках классовой борьбы господствующий класс криминализирует любое поведение, которое противоречит его интересам. Преступления господ, противозаконные деяния власть имущих не квалифицируются как преступления, потому что у капиталистов достаточно власти, чтобы не допустить собственной криминализации. Существует много таких преступлений в сфере экономики, управления и контроля, а также в сфере социального обеспечения, которые, как правило, не упоминаются в уголовных кодексах в качестве состава преступления (загрязнение воздуха и воды, неуплата налогов, картельные соглашения о ценах, обман покупателей, коррупция и злоупотребление политической властью)[2]. Применительно к современной российской правовой реальности примером может служить отказ от криминализации так называемого незаконного обогащения. Криминализация этого деяния предусмотрена ст. 20 Конвенции ООН «О коррупции», ратифицированной Россией.

Немецкий ученый Хаферкамп раскрыл серьезные пороки правоохранительной системы. По его мнению, уголовная юстиция создана не для того, чтобы снижать уровень преступности, а для того, чтобы управлять ею. Ибо эта юстиция работает в тесном контакте с преступными группами, с организованной преступностью, чтобы контролировать тех, чья преступность мала и незначительна. Преступность — это единственный продукт такого применения права, которое нацелено против представителей низших слоев[3].

А. Платт поставил вопрос о том, что общество для удержания людей от преступлений должно сделать их жизнь достойной. А для этого мало декларации о правах. Необходимо реальное обеспечение

---

[1] *Quinney R.* The Social Reality of Crime // Perseption in Criminology. L., 1975. P. 381—387.

[2] *Quinney R.* Critique of Legal Order. Boston, 1974; *Quinney R.* Class, State and Crime. N.-Y., 1977.

[3] *Haferkamp H.* Notwendigkeit handlungstheoretischer Analysen der Kriminalitat und Kriminalisierung // Kritische Kriminologie. Munchen, 1974. P. 44—68.

права на подобающее людям жилье, нормальное питание, на человеческое достоинство и самоопределение[1].

Идеологическая основа радикальных теорий была неоднородной. Если, например, Р. Куинни тяготел к марксистской криминологии, то Д. Даунс и П. Рокк считали, что в рамках традиционного марксизма проблему преступности не удастся решить. Им ближе анархический идеал общества, складывающегося из конфедерации свободных производителей (что-то наподобие либерального варианта сообщества швейцарских кантонов)[2]. Однако критическое отношение к реальной социальной системе их объединяло.

Радикальное направление показало, каково соотношение науки и политики в разработке эффективной общественной системы воздействия на преступность. Научные направления условно можно разделить на две группы: с одной стороны — поддерживающие правящие политические круги и развивающие свои научные концепции в русле господствующей политики, с другой — оппозиционные. Оппозиционные направления также неоднородны. Одни ученые стремятся оградиться от политики, углубляясь в фундаментальные проблемы, анализ которых возможен безотносительно к политической реальности. Их главный научный инструмент — интеллект, логика и специальные методики. Другие, понимая, что в русле порочной государственной политики реализовать продуктивные научные идеи невозможно, вступают в борьбу с ней. Интеллект, логика и специальные методики в их арсенале отступают на задний план. Научный радикализм, политическая смелость, готовность к самопожертвованию становятся их девизом. Для возникновения радикального направления в науке необходимы определенные условия. К ним можно причислить относительную зрелость фундаментальных теорий, разработку достаточно четкой концепции практического решения проблемы эффективного воздействия на преступность. Методологический принцип, лежащий в основе формирования радикальной криминологии, может быть сформулирован следующим образом. ***Когда препятствием к решению проблем защиты общества от преступности становится не отсутствие знаний, а недостаток политической воли, в науке появляется радикализм.*** Ученые осознают, что «чистая наука» пробуксовывает, и делают крен в сторону политики и публицистики.

---

[1] *Platt A.* Prospects for a Radical Criminology in the United States // Crime and Social Justice. 1974. P. 2.

[2] *Downes D., Rock P.* Deviant Interpretations. Oxford, 1979.

Появление нового направления развития науки о преступности (столь непривычного своей скандальностью для респектабельных ученых кругов) в значительной мере способствовало углублению понимания сущности различных аспектов криминологических изысканий. Оказалось, что науке нужны не только седовласые мэтры, заперевшиеся в «башне из слоновой кости» для углубленных фундаментальных исследований. Молодые и решительные радикалы также необходимы для развития науки. Подобно струе свежего воздуха, их смелые идеи благотворно действовали на консервативные криминологические парадигмы.

Радикальные криминологи сняли завесу с тех зон социальной жизни, которых ученые старались не касаться, поскольку это противоречило устоявшимся традициям, было невыгодно материально, да и не совсем безопасно. Они обратили внимание общественности на многие негативные социальные явления современного общества. Причем это было не простое словесное бичевание: в капиталистических странах стали возбуждать уголовные дела в отношении крупных предпринимателей и высокопоставленных политиков. Практически во всех странах начались широкомасштабные компании по борьбе с коррупцией. Во многих государствах было проведено существенное изменение законодательства, приняты законы о борьбе с коррупцией, организованной преступностью. В уголовные кодексы законодателем были внесены новые составы преступлений (в том числе и об ответственности предпринимателей за загрязнение окружающей среды). Представители правосудия и полиции стали более лояльны по отношению к выходцам из низших слоев общества.

Ученые этого направления достаточно высоко подняли уровень допустимой критичности в криминологических трудах. Благодаря им появилось много исследований более умеренного реформистского толка (Р. Кларк, Э. Шур). Следует признать, что в качестве умеренных они могли быть оценены лишь на фоне «неистовых радикалов». Несколькими годами ранее эти работы были бы оценены совсем иначе, да и, возможно, вообще не вышли бы в свет.

В 1970 г. Рамсей Кларк (министр юстиции в администрации президента Джонсона) опубликовал книгу «Преступность в США»[1], которая показала, что он не только честный политик, но и выдающийся теоретик. Опираясь на свой огромный опыт противодейст-

[1] *Clark R.* Crim in America. N.-Y., 1970.

вия преступности, Кларк приходит к выводу о том, что проблему преступности решить с помощью насилия не удается. Более того, общественная опасность государственного насилия может конкурировать с общественной опасностью преступности (и в отдельных случаях превышать последнюю). Эскалация жестких мер ставит общество перед недостатком полицейских сил и вынуждает его обращаться к армии. Если последовательно опираться лишь на жесткие меры, то со временем армию пришлось бы переориентировать на решение лишь криминальных проблем, что неминуемо обернулось бы колоссальным ущербом для общества. Бывший министр юстиции считает, что решение проблемы преступности находится в иной плоскости.

Начиная с анализа личности преступника, он выходит на серьезные социальные проблемы. «Большинство людей, совершающих серьезные преступления, — пишет он, — не обладают здоровой психикой. Те, кто жил или работал в тюрьмах среди опасных преступников, знают, что почти все они нуждаются в психиатрической помощи и эмоционально стабилизирующем воздействии»[1]. «Есть тюрьмы, где 25% заключенных являются умственно отсталыми»[2]. Но умственная отсталость возникает не сама по себе, ее порождают плохие условия в период беременности, недоедание, недостаток медицинской помощи (в результате чего обычное заболевание может повлечь осложнение, воздействующее на головной мозг), побои детей и беременных женщин, употребление наркотиков и алкоголя матерями и малолетними[3].

Преступность — симптом болезни общества. В противодействие ей воздействовать надо и на симптомы, и на саму болезнь. Действие болеутоляющих средств недолговременно, если не побеспокоиться о лечении самой болезни, ведь боль через некоторое время возникнет вновь. И если пользоваться лишь болеутоляющими средствами, то наступает привыкание, и такое лекарство уже не избавляет от боли. Аналогичным образом и избавление от такого симптома, каковым является преступность, требует не только «болеутоляющих средств» (полицейских мер), но и радикального лечения (социальной реформации). В своей книге Кларк дал развернутую программу преобразований различных областей американского общества: полицейской, судебной и пенитенциарной системы, здра-

[1] *Кларк Р.* Преступность в США. М., 1975. С. 74.
[2] Там же. С. 73.
[3] Там же.

воохранения, образования, жилищно-коммунальной сферы, социального обеспечения и трудоустройства. Эта книга имела колоссальный общественный резонанс и оказала немалое влияние на процесс социальных реформ в западном обществе.

Не менее критичной была и книга члена президентской комиссии по борьбе с преступностью Эдвина Шура. Уже ее название носило эпатирующий характер — «Наше преступное общество». В этой книге автор последовательно развивает ряд тезисов, клеймящих криминогенные основы американского образа жизни:

- американское общество преступно, поскольку оно является обществом неравноправных;
- американское общество преступно, поскольку оно участвует в массовых насилиях за рубежом;
- американское общество преступно, потому что в наших культурных ценностях есть элементы, порождающие преступность;
- американское общество преступно, поскольку оно создало «дополнительные» преступления путем чрезмерной регламентации общественной жизни;
- американское общество преступно потому, что оно руководствуется нереальными и недействующими принципами при подходе к проблемам преступности[1].

Криминологи-радикалы по-новому стали рассматривать взаимосвязь науки и практики. Они заявили, что проведение исследований, запрограммированных на укрепление существующего порядка (большей частью несправедливого), научное обслуживание политиков, которые утверждают это несправедливое устройство мира, является «проституцией» науки[2]. Ученые-радикалы попытались сделать прорыв в плане повышения уровня независимости и честности криминологических исследований. В определенном смысле им это удалось. При этом то, что они перестали ориентироваться на практические запросы государственных структур, не снизило актуальности их исследований, поскольку общественная потребность в решении затрагиваемых ими проблем была налицо. По этому поводу французский криминолог М. Лонг заметил, что ***любое криминологическое исследование рано или поздно оказывает влияние на уголовную политику***[3].

---

[1] *Шур Э.* Наше преступное общество. М., 1977. С. 33—40.

[2] *Long M.* La recherche scintifique et la politique criminelle // Revue de science criminelle et de droit penal compare. 1974. № 3. P. 10.

[3] Там же.

Социологические идеи криминологов достаточно многогранны. Одни ориентированы на поиск новой криминологической парадигмы. Другие подчеркивают отраженный в преступности драматизм социальной жизни. Идеи третьих, на первый взгляд, пытаются завести криминологический поиск в тупик абсурда. Но при вдумчивом анализе и в этом «внешнем абсурде» можно увидеть завуалированный импульс к углубленному научному поиску.

Радикальные социальные криминологические теории сделали изрядный крен в политологию. Однако и в этом направлении криминологического поиска просматривается достаточно важный методологический принцип — ***независимость научных исследований от политической конъюнктуры и идеологических установок***.

Не исключено, что развитие социологического подхода к пониманию преступности может оказать весьма существенное воздействие на криминологическую методологию. Эта концепция может оказаться отправной точкой изменения научной парадигмы и социальной практики воздействия на преступность. Возможно, на определенном этапе развития науки и социума она окажется одним из элементов той движущей силы, которая инициирует радикальную трансформацию социальной системы.

Антропологический подход к анализу преступности. В рамках антропологического подхода преступность определяется как болезнь, но не общества, а отдельных людей. Преступность, по мнению сторонников этого подхода, — результат вырождения, дегенерации, следствие тех или иных психофизиологических аномалий, влекущих «нравственное помешательство». При этом понятие вменяемости и общая превенция уголовного наказания в какой-то мере утрачивают смысл. Основной метод воздействия на преступность, вырабатываемый данным направлением, — отделение здоровых от больных (изоляция и лечение либо уничтожение последних).

Антропологический подход в криминологии нередко называют ломброзианством (неоломброзианством), а само это научное направление прочно ассоциируется с именем итальянского ученого Чезаре Ломброзо. Основная мысль Ломброзо заключается в том, что преступник есть особый природный тип, скорее больной, чем виновный. Преступником не становятся, а рождаются. Это своеобразный двуногий хищник, которого, подобно тигру, не имеет смысла упрекать в кровожадности. Преступного человека необходимо выявить по ряду признаков и изолировать (либо уничтожить).

В XX в. доминирующими направлениями развития антропологической криминологии были исследования эндокринных и генетических аномалий, которые детерминируют опасное состояние человека. В нашей стране в 1970-е—1980-е годы проходила интересная дискуссия по указанной проблематике. Профессор Саратовского университета И.С. Ной в книге «Методологические проблемы советской криминологии» выдвинул оригинальную гипотезу о прирожденных программах поведения людей, которые могут детерминировать различные деяния, в том числе и преступные: «Выявление прирожденных «программ» поведения в соотношении с приобретенными «программами» поведения — одна из важных и сложных проблем современной науки о человеке, представляющая и для криминологов большой научно-практический интерес. «Списав» ее со счета, весьма трудно предложить научно обоснованные, действительно эффективные средства предупреждения преступных проявлений. Рекомендации же самого общего характера о предупреждении преступлений уже никого не могут удовлетворить»[1]. Идеи Ноя были подвергнуты серьезной критике ведущими отечественными учеными[2]. Идеи некоторых современных отечественных и зарубежных ученых о биологических детерминантах преступного поведения основательно проанализировал в книге «Криминология и биотехнологии» В.С. Овчинский[3]. По мнению ученого, данная исследовательская сфера требует предельной осторожности при решении не только практических, но и теоретических (методологических) проблем, ибо ошибки здесь чреваты возникновением «генетических чернобылей»[4]. В.С. Овчинский, резюмируя анализ данной проблемы, делает следующий вывод: «Криминологическая оценка теневой стороны биотехнологической революции свидетельствует о том, что «новая евгеника» и «геноломброзианство», теоретические суррогаты в виде «нетократии», «биокоммунизма», «гуманологии» и т.п. фактически становятся идеологией эпохи «апокалипсиса»[5].

Антропологический подход традиционно оценивается весьма критически абсолютным большинством представителей мирового

---

[1] *Ной И.С.* Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. С. 113.

[2] *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М.: Политиздат, 1989.

[3] *Овчинский В.С.* Криминология и биотехнологии. М.: Норма, 2005.

[4] Там же. С. 71.

[5] Там же.

научного сообщества. В то же время и в рамках этого подхода вырабатываются методологические идеи, заслуживающие внимания:

- все, что представляет опасность, должно быть в сфере научного интереса исследователей;
- дифференциация бытия различных типов людей (опасных и неопасных) — эффективный метод социальной защиты;
- в целях профилактики преступности необходимо проявлять заботу о психическом и физическом здоровье нации (увеличение числа психофизиологических аномалий в обществе — основание для негативного криминологического прогноза);
- во главу угла практики социальной защиты ставится безопасность потенциального потерпевшего;
- изоляция преступников не должна быть сопряжена с причинением страданий человеку.

К проблематике, связанной с медикаментозным воздействием на лиц, склонных к совершению преступлений, недавно привлек внимание ученых и общественности Президент Российской Федерации Д.А. Медведев. Выступая на одном из совещаний, он отметил: «И еще одна тема, очень резонансная. Она совсем из другой сферы, но, тем не менее, к сожалению, весьма и весьма актуальная в условиях нашей страны: это защита детей от преступлений сексуального характера. Я уже поручал принять меры по профилактике таких преступлений. Насколько мне известно, Следственный комитет разработал целый пакет поправок в Уголовный кодекс. Мы исходим из того и все понимаем, насколько опасны такого рода преступления против несовершеннолетних и какого зачастую чудовищного характера последствия они создают. И отношение к тем, кто совершает такие преступления, тоже должно быть максимально строгим.

Государство в этом плане должно применять всю меру воздействия, сохранять повышенное внимание. Либеральный подход в этом вопросе абсолютно неприемлем. Поэтому я предлагаю обсудить те приемы и способы, которые применяются в других странах, включая так называемое медикаментозное воздействие на таких лиц, возможное использование соответствующих инъекций, которые блокируют действие гормонов. Это, конечно, должно касаться тех, кто совершал подобные преступления, и, по всей вероятности, это возможно только на добровольной основе.

Но, тем не менее, эта мера довольно активно дискутируется в нашей стране. Целый ряд развитых стран принял ее на вооружение,

она используется в законодательстве. Я не предрешаю, конечно, решение этого вопроса, он требует дискуссии, потому что это абсолютно новая тема. Но с учетом того, какие страшные преступления совершаются, я считаю нашим долгом как минимум обсудить этот вопрос»[1].

Научные теории и социальная практика, основанные на антропологическом подходе к пониманию преступности, в среднесрочной перспективе, вероятно, получат очень мощный импульс к развитию. Тень генной модификации наползает на человечество, в связи с чем автор данных строк прогнозирует серьезные негативные последствия. В определенной мере воспрепятствовать возможным негативным тенденциям в этой сфере могло бы развитие криминологической методологии.

Достаточно перспективным направлением развития антропологической криминологии представляется теория Л.В. Кондратюка[2]. Глубокий анализ позволил ему сделать весьма оригинальную трансформацию антропологических идей в криминологическом контексте. Кратко суть этой теории изложена следующим образом: «Попытаемся сформулировать наше представление о причинах (каузальных факторах) криминального поведения: под причинами мы понимаем лишь те явления и процессы человеческого бытия (не только социальные, но прежде всего духовные, психологические, генетические, биологические), которые активизируют (или нейтрализуют!) мотивы и цели криминального поведения путем:

а) стимуляции или подавления проявлений оснований деструктивного поведения (агрессии, экспансии, обмана и их сочетаний);

б) блокирования (или усиления) механизмов психодуховной защиты (подавления, вытеснения, проекции, интроекции, сублимации и др.);

в) формирования деструктивных (или конструктивных) архетипов подсознания и отношения к экзистенциальным страхам;

г) усиления экзистенциальных страхов поведения субъектов»[3].

Л.В. Кондратюк полагает, что его идеи повлекут смену криминологической парадигмы. Это не исключено. Несомненно, что парадигму антропологической криминологии они изменяют самым радикальным образом.

---

[1] *Стенограмма* совещания по вопросам совершенствования судебной системы от 10 мая 2011 г. // http://www.kremlin.ru/transcripts/11204.

[2] *Кондратюк Л.В.* Антропология преступления (микрокриминология). М.: Норма, 2001.

[3] *Кондратюк Л.В., Овчинский В.С.* Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008. С. 37.

1.2. Основы криминологической методологии

Проведенный анализ показывает, что феномен преступности достаточно сложен. Он гораздо сложнее тех криминологических концепций, которым удается отразить отдельные его проявления. Вероятно, незавершенность теоретического осмысления этого явления можно рассматривать как одну из причин его устойчивости.

Классическая методология предполагает такую схему воздействия науки на практику: изучение явления — формирование научной теории — разработка предложений по совершенствованию социальной практики — реализация научных достижений в практической деятельности. Однако в тех случаях, когда одновременно очень велики и уровень сложности постижения того или иного явления, и актуальность реализации в социальной практике результатов научного поиска, весьма значимым оказывается **методологический принцип двухмерной направленности криминологических исследований**.

Суть этого принципа заключается в следующем: криминологам следует одновременно проводить исследования на двух уровнях. Во-первых, необходимо, обобщая эмпирические данные, проводить теоретические изыскания о сущности криминального феномена, конструируя более или менее всеобъемлющую теорию преступности. Во-вторых, на основе имеющихся криминологических теорий необходимо проводить исследования преступности в целях совершенствования социальной практики противодействия этому негативному явлению.

Не менее значим для криминологии и методологический **принцип антикриминального прагматизма**. В соответствии с этим принципом предмет криминологии охватывает все явления и процессы, исследование которых позволит разработать предложения по уменьшению уровня криминальных угроз и общественной опасности преступности.

Огромную роль в криминологической методологии играет принцип развития. *Принцип развития* может быть реализован по отношению к объекту, процессу и результатам познания. Применительно к преступности как к исследовательскому объекту реализация этого принципа предполагает анализ не только ее состояния, но и динамики. Кроме того, углубление представлений о сущности преступности как явления может повлечь изменение (углубление) представлений о сущности различных ее составляющих (например, латентной).

Особое значение имеет реализация данного принципа в отношении процесса и результатов познания. Обычно процесс познания разворачивается в следующей последовательности:

- актуализация проблемы, осознание незнания в результате возникновения потребностей практики либо как следствие теоретического познания;
- выдвижение первичных гипотез о свойствах объекта;
- первичное изучение объекта различными методами;
- путем проб и ошибок отбор наиболее продуктивных методов, формирование специализированной научной методики;
- проведение исследований, обобщение первичных результатов, их анализ, формирование теоретических основ, концептуальное осмысление свойств изучаемого объекта и закономерностей его развития, формирование первичных идей о возможностях реализации на практике результатов научных исследований;
- реализация теоретических положений на практике, коррекция научной теории, уточнение представлений об исследуемом объекте;
- коррекция исследовательской методики, новый этап исследований, уточнение теоретических положений и т.д.

Главный методологический аспект принципа развития заключается в следующем. Определенный уровень развития исследовательской методики может обеспечить соответствующий уровень объективности знаний, что проявляется:

- во-первых, в глубине проникновения в сущность исследуемого явления;
- во-вторых, в величине погрешности результатов его измерения.

Первичный этап познания обычно характеризуется неглубоким проникновением в сущность изучаемых явлений (описательный характер исследований). В отдельных случаях даже первые результаты могут иметь практическое значение. Однако, как правило, потребности практики диктуют необходимость совершенствования исследовательских методик в целях более глубокого проникновения в сущность изучаемого явления (на основе чего становится возможным реализовать объяснительные и прогностические функции науки). Основной вектор развития научного познания — совершенствование научных методик, углубление проникновения в сущность изучаемой реальности, минимизация

погрешностей, расширение сфер практического применения результатов познания.

Особую роль в реализации принципа развития играет практика. Потребности практики инициируют познание, они же диктуют необходимость совершенствования исследовательских методик, перехода от начального этапа познания к последующему, все более и более глубокого проникновения в сущность.

Этапность познания — форма реализации принципа развития. Логика развития процесса познания такова: разработка исследовательской методики — процесс исследования — анализ практической ценности результатов — совершенствование методики — углубление процесса познания — повышение практической ценности знаний. Из данного принципа следует, что описательность, неглубокое проникновение в сущность изучаемых явлений, значительность погрешностей — это нормально для определенного этапа исследований. Практически все исследования проходят эти стадии. Ненормально останавливаться на этих стадиях, ненормально прекращать исследования, не добившись получения практически значимых результатов. Ненормально бояться входить в эти стадии исследований (поскольку трудности на этих стадиях максимальны, а результаты весьма скромные). Если объект исследования таков, что для получения практически значимых результатов требуется длительное исследование, позволяющее переходить от одного этапа к другому, то длительность можно рассматривать как специальный методологический принцип исследования конкретного явления. Это одна из форм реализации **принципа соответствия исследовательской методики специфике исследуемого объекта.**

1.3. Методологическое значение теории латентной преступности

Теория латентной преступности имеет особую методологическую значимость, поскольку именно в плоскости исследования криминальной латентности находится реализация принципа объективности криминологических исследований. Латентная преступность — один из самых непростых исследовательских объектов. Отдельные ученые до сего времени ставят под сомнение саму возможность продуктивного исследования этого феномена. А это

значит, что под сомнение ставится возможность исследования реальной преступности. В то же время никто не подвергает сомнению тот факт, что постижение человеческой мыслью окружающего мира — объективный процесс. И то, что еще вчера казалось принципиально непознаваемым, сегодня попадает в разряд явлений, о которых говорят: «да кто же этого не знает». Трансформация «непознаваемого» в тривиальное осуществляется ценой огромных интеллектуальных усилий и напряженной исследовательской работы. Главная задача криминологических исследований — инициировать такую трансформацию в отношении феномена преступности.

Преступность — сложное и многогранное явление. Далеко не все аспекты преступности исследованы учеными. Не будет преувеличением сказать, что, вероятно, мы делаем лишь первые шаги в постижении сущности этого феномена.

Можно констатировать, что одни аспекты преступных проявлений имеют социальную природу, другие — психофизиологическую. Однако нерешенной до сего времени остается проблема соотношения социального и биологического в личности преступника и преступном поведении, проблема правовой оценки социальных и биологических доминант, обусловливающих общественно опасное поведение. Весьма сложными для научного восприятия являются теологические аспекты трансформации зла в общественно опасные противоправные деяния. Очень трудно идет процесс постижения человечеством права, концепция неправовых законов и праведных нарушений законодательства находится пока в зачаточном состоянии.

В философском смысле термин «латентная преступность» оказывается весьма емким. Если дословно его трактовать, то содержание этого понятия охватит все, что нами еще не исследовано и не познано в криминальном феномене.

Криминологическая трактовка криминальной латентности более ограничена. В криминологии под латентной преступностью обычно понимают то, что за рубежом именуют «темной цифрой». Темная цифра — термин достаточно красноречивый, ибо под латентной преступностью в криминологии понимают то, что может быть выражено цифрами. Чаще всего это число не зарегистрированных государственными органами преступлений. В отдельных случаях этим понятием охватывают и число невыявленных преступников, невыявленных жертв преступлений, масштабы незаре-